

УДК 821.161.109-31+929Солженицын

«НАУКА РАЗРУШЕНИЯ»: РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

В. Ш. Кривонос

Кривонос Владислав Шевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, kafedralit63@ya.ru

В статье рассматриваются понимание Солженицыным-художником, выраженным в романе «Август Четырнадцатого», путей и логики развития русской революции, интерпретация писателем ее ключевых этапов и важнейших эпизодов, а также принципы изображения типов революционеров.

Ключевые слова: Солженицын, русская революция, революционный терроризм, типы революционеров, автор и герои.

**'The Science of Destruction': Revolution in the Novel
August 1914 by A. I. Solzhenitsyn**

V. Sh. Krivonos

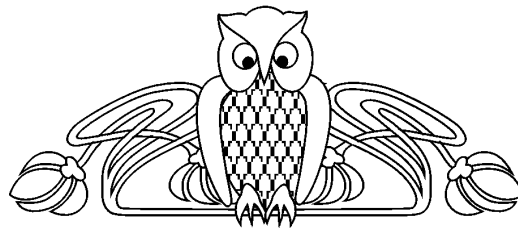
Vladislav Sh. Krivonos, ORCID 0000-0001-8138-0057, Samara State University of Social Science and Education, 65/67, Maxima Gorkogo Str., Samara, 443099, Russia, kafedralit63@ya.ru

The author studies Solzhenitsyn's understanding of the ways and logic of the development of the Russian revolution expressed in the novel *August 1914*, the writer's interpretation of its key stages and important episodes, and the principles of depicting the types of revolutionaries.

Key words: Solzhenitsyn, Russian Revolution, revolutionary terrorism, types of revolutionaries, author and heroes.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-76-80

В «Августе Четырнадцатого», которым открывается «Красное Колесо», Солженицын развенчивает вошедшие в исторический обиход «мифы о русской революции»¹. Четко сознавая связь Февральской революции с Первой мировой войной, ставшей предметом тщательно проработанного (в смысле описания картин военных действий) изображения, автор пришел к выводу, что «нельзя понять хода событий, если не отступить ещё назад и не объяснить, как сложились сами люди, само общественное настроение, само историческое понимание»². Собранные им и заново осмысленные исторические материалы и документы убеждали, что объяснить «столыпинскую эпоху» невозможно «без описания, хоть очень краткого, революции 1905–1906 годов. А революция пятого–шестого годов непонятна без описания очень мятежных, бурных годов 1901, 1902, 1903»³. Необходимо было бросить ретроспективный взгляд на события прошлого, понять, как развивался в России революционный процесс, показать ход русской революции, какие стадии

она проходила и какие типы революционеров выдвигала на авансцену истории.

В солженицынской философии истории чрезвычайно существенным оказалось сопряжение и противостояние России и революции. Можно усмотреть известную близость Солженицыну, спорившему в романе с историческими взглядами Л. Толстого, тютчевской картины мира, где Россия и Революция, писавшаяся поэтом «с заглавной буквы, как имя собственное», представляли как «две духовно непримиримые личности-силы»⁴. В «Августе Четырнадцатого» Россия и революция – это не столько духовно непримиримые личности, сколько исторически непримиримые сущности, значимые особенности которых особым образом проявляются в личностях как различных государственных деятелей, так и революционеров, эти сущности репрезентирующих и олицетворяющих.

Солженицына особо интересует в романе отношение к революции образованного общества, роль преобладающих в этом обществе настроений, определявшихся неприятием власти и сакрализацией народа, который занял в сознании революционной интеллигенции место Бога; героизация революционеров, приобретших ореол народных заступников, приводила к моральному оправданию их действий, включая террористические покушения.

Роман Томчак, сын богатого землевладельца Захара Томчака, вспоминает эпизод из своей жизни, когда в 1906 г. анархисты-коммунисты потребовали у него значительную сумму денег на революционные нужды – и он вынужден был подчиниться: «Что было делать? Революция, все напуганы, власти в себе не уверены. А настроение образованного общества: на революцию? вы обязаны! ваш долг святой перед ограбленным народом (да если б на законную революцию, сбросить ненавистного царя, – так сколько бы то можно и дать)»⁵. Подчинился же он, не проявив решимости сопротивляться, потому, что «...вся Россия считала правоту – почему-то за ними, грозными, славными...» (1, 54).

В сознании персонажа границы «образованного общества» неслучайно расширяются до «всей России», указывая на реально существовавшее сочувствие революционерам со стороны самых разных групп населения⁶. Варя Матвеева, курсистка с передовыми взглядами, которой «стыдно было бы признаться, что она ездила к одру благодетеля», богатого купца, зачисленного ею же в «чёрную сотню», оправдывает свой по-

ступок тем, что и у эсера Гоца «...дед был чаеоторговец – но сотни тысяч жертвовал на революцию!» (1, 61). Историк революционного терроризма отмечает, что «...убийц-террористов считали героями не только их товарищи-революционеры, но и достаточно широкие слои общества»⁷. В романе Агнессы Леонартович, сама побывавшая в тюрьме и в Сибири, приводит в пример генерала, отца террористки Жени Григорович, который «...помогал ей спасать революционеров от ареста, прятал у себя в доме заговорщиц, узнавал часы проезда и приёма намеченных к удару лиц» (2, 81).

Подобное отношение к терроризму приводило к тому, что «общество привыкало к насилию»⁸. Такого рода привыкание характеризует поведение Вари, оперирующей бездумно усвоенными ею клишированными фразами, заимствованными из разных революционных изданий, от газет до брошюр и книг. Чтение пропагандистской литературы убеждало ее, «что должен быть полностью уничтожен весь нынешний строй жизни и надо посвятить себя неуправляемому неотступному разрушению» (1, 65). Вновь встретившись со знаменитым анархистом, с которым ее, когда она была гимназисткой, познакомили старшие подруги, Варя «...вытгивала из памяти ещё, ещё, какие-то анархистские программные фразы: разрушение несовместимо с созиданием... действительное разрушение и есть свобода... бороться с общепринятыми авторитетами... взрывать памятники...» (1, 66–67). Заново погружаясь в фантомный мир терроризма и вспоминая «как новое» разговоры о разнообразных формах борьбы, включая и такие, как «...яд, кинжал, петля, револьвер, динамит... динамит, динамит...» (1, 67), она внушала себе: «...Революционер знает только науку разрушения... Холодной страстью должны быть задавлены все его нежные чувства... Он – не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире...» (1, 68). Усваивая науку разрушения и проникаясь убеждением в допустимости любых форм насилия для уничтожения нынешнего строя жизни, Варя воспитывает в себе безжалостность как присущие революционеру свойства характера и черту личности.

Варя принадлежит к революционным низам, но с революционными верхами таких, как она, сближает общая установка на предельное упрощение и разрушение жизни. Для элиты революции, ее лидеров, целью деятельности является не модернизация страны, а захват и удержание власти. Существовая – если сопоставить ее с людьми, живущими обычной жизнью и составляющими основную массу общества, – словно в параллельном пространстве, элита эта своим отношением к России и представлением о стране определяла пути и логику развития революции.

Воссоздавая в романе детализированный портрет Ленина, Солженицын тщательнейшим образом описывает психологию вождя революции через его отношение к жене, к товарищам по партии, к патриотизму, к России (1, 205–227). Подроб-

но излагаемые переживания Ленина, связанные с различными сторонами и событиями его жизни, раскрывают его невероятный эгоцентризм и характеризующие его поведение явные и скрытые фобии. Вся его деятельность сопряжена с необходимыми условиями совершения революционного переворота и с поиском нужных для этого средств.

Поскольку для «партии революционной, подпольной, которой надо организовать укрытия, явки, транспорт, литературу, оружие и готовить бойцов, и содержать кадры, и в нужный момент совершить переворот», нужны были деньги, «решавшие всё», то особые усилия были направлены на их добывание: «наследство вымотать», «жениться на наследницах», печатать «фальшивые деньги», готовить бомбы для «эксов», которые «пошли исключительно удачно» (1, 211). При этом соратники, предпринимавшие подобные действия, рассматривались Лениным как расходный материал революции. Стратегия и тактика революционной борьбы, как он ее понимал, требовали откровенного прагматизма в отношении с «партийными товарищами», каждый из которых, в зависимости от целесообразности его использования, «из следующего этапа жизни мог бы и выпасть» (1, 213).

Вожди революции, в представлении Ленина, каким показывает его Солженицын, давая ему возможность высказаться и прибегая для этого к несобственно-прямой речи, обладают несомненным и неоспариваемым правом на личные привилегии: «Если нужно пережить царизм, то здоровье революционера становится тоже его оружием. И партийным имуществом. И надо поддерживать его всеми партийными финансами, не жалея. Надо жить при отличных врачах, и даже ближе к первоклассным знаменитостям, – где ж, как не в Швейцарии» (1, 223). К тому же в нейтральной Швейцарии прекрасные библиотеки, где так «заниматься хорошо», особенно «во время войны», и вообще исключительные «удобства жизни», а также возможность, неопенимая, когда идет война, поддерживать «международные связи» (1, 223).

Эта «невиданная всеевропейская война», которую «и ждали, да не дожили Маркс и Энгельс», рассматривается Лениным, вызывая у него чувство радости, как «наилучший путь к мировой революции»: «То, что не разожглось, не раздулось в Пятом году, – само теперь раздуется! Благоприятнейший момент» (1, 223). Поэтому такую войну «не останавливать» надо, но «разгонять» и «переносить» ее «в свою собственную страну», превращая ее «в гражданскую войну и притом беспощадную», для победы в которой нужно использовать Германию «как могучего союзника»: «Чтобы сделать революцию, нужны ружья, нужны полки, нужны деньги, и надо искать, кто заинтересован дать их нам?» (1, 225). Война при поддержке такого союзника откроет для революции возможность «вышибить дух великодержавный» и обкорнать «Россию кругом» (1, 226).

Отношение к войне, в которой Ленин увидел прежде всего «подарок истории» (1, 227), словно врученный ему для подготовки и совершения революции, предельно обнажает жестокость ее вождя, сознательно подталкивающего страну к гражданской войне, и полное равнодушие к судьбе России: «Никому из революционеров, окружающих Ленина, и ему в первую очередь – до России нет никакого дела, не жалко ее»⁹. И Ленину в его отношении к России вторит в романе, на первых же его страницах, все та же Варя Матвеева, что указывает на близость настроений верхов и низов революции. Узнав, что Саня Лаженицын, который хоть и «не был революционером, но пацифистом – то был всегда», отправляется на войну, она упрекает его в том, что он поддался «тёмному патристическому чувству»:

«Не находясь возражать, не защищаясь, Саня кивал. Грустно:

– Россию... жалко...

– Кого? – Россию? – ужасалась Варя. – Кого Россию? Дурака императора? Лабазников-черносотенцев? Попов долгополых?» (1, 16).

Но Саня, выслушав новые упреки в отсутствии у него «принципов», упорно повторяет: «Россию жалко...» (1, 17).

Отношение к России служит резкой границей между теми, кто озабочен мировой революцией, и теми, кого Ленин презрительно именуется «патриотами»: «Мы – антипатриоты!» (1, 217). Что же касается революционных низов, то далеко не все, кто к ним принадлежал, способны были понять отношение к войне своего вождя. Так, Саша Ленартович, молодой большевик, призванный на военную службу и переживающий, что он «не попал ни в тюрьму, ни в ссылку», где сохранился бы «для будущей революции» (1, 335–336), видит в войне непонятный и удручающий его исторический зигзаг: «Как же сложно-петлистая история! Вместо того чтобы прямо идти к революции, заворачивает вот на такую войну – и ты бессилен, и все бессильны» (1, 336). Война, в которую его затянуло, вызывает у него горькое разочарование и кажется бессмысленной из-за огромных человеческих потерь: «Если б десятую часть этих потерь, десятую часть этого терпения да половину этих снарядов потратить бы на революцию – какую прекрасную можно было бы устроить жизнь!» (1, 426). Но устройство этой прекрасной жизни, о чем не задумывается особо Саша, возможно только путем безжалостного насилия над ней.

Было отмечено, что Солженицын буквально заворочен «...революционерами как психологическими и культурными типами»¹⁰. Типы эти, выведенные в романе, разнообразны: есть среди них и случайные люди, и вовлеченные в революцию стихией истории, но есть и такие, как сестры Адалия и Агнесса Ленартович, кто с юности «знали только общественное служение, подвиг и жертву для народа...» (2, 65), убежденные сторонники «благороднейших революционных

действий», никогда не забывавшие, в отличие от критикуемой ими «учащейся молодежи», о «заветах великих учителей» (2, 67). Веронике, своей племяннице, называющей «революционерами чувств» представителей декадентского искусства, тетушки напоминают о «светлом примере» Веры Фигнер, портретом которой «благословляли девушек» во времена их молодости «как образом», что и «определило» жизнь самих тетушек: «Вера Фигнер постоянно горела перед глазами и вела!» (2, 73).

В остром споре с Вероникой, которую они, упрекая молодежь, что та отшатнулась «от революционерства» (2, 74), пытаются обратить в свою веру, сестры рисуют привлекательную для них картину истории революционного терроризма, идеологически его обосновывая и морально оправдывая. В ходе этого спора не только народ как предмет жертвенного служения, но и иконоподобные образы самих революционеров, таких как «славная» Вера Засулич, с выстрела которой «по-настоящему русский террор и открылся», подвергаются очевидной сакрализации; еще большее значение «для истории русской революции», чем «сам выстрел», имел «судебный процесс над ней» (2, 75) и вынесенный ей оправдательный приговор, сильно повлиявший на общественное настроение и на долгие годы определивший сочувственное отношение к борьбе революционеров с властью и к самим формам и способам этой борьбы.

Главным же аргументом тетушек в споре служит рисуемый ими идеальный образ революционера, ради революции отказавшегося от своей личности и возвысившегося до особого «склада жизни»: он «человек обречённый, у него нет своих интересов, своих привязанностей, не бывает имущества, а иногда он лишён даже имени. Всё в нём поглощено одной мыслью, одной страстью – революцией. Революционер – презирает господствующую нравственность, и что кажется в обществе важным или неважным, благим или дурным» (2, 77). Поддержанное сестрами презрение к самим основам общечеловеческой нравственности, без которого, как обнаруживается, немислим терроризм, объясняет занятую ими в споре позицию морального превосходства.

Просвещая колеблющуюся и неустойчивую в своих взглядах Веронику, тетушки пытаются объяснить ей не только историческое значение революционного террора, но и почему такой размах принял он в начале XX в., когда «месяца не проходило без превосходных актов, и прежние народники обновлённо возродились эсерами» (2, 80). Террористическую волну гнали не только наследование и прочное усвоение новым поколением революционеров испытанных методов борьбы: «Глубокая вера в святое дело – вот что вело их всех!» (2, 81). Готовность к самопожертвованию ради высокой идеи служит, как твердо убеждены Агнесса и Адалия, оправданием *святого дела*,

которому посвятили себя революционеры, хорошо понимавшие «красоту и философию террора» (2, 81). Каляев, бомбой убивший Великого князя Сергея Александровича, предстает в их рассказе как поэт террора, «прирождённый Поэт» (2, 82).

Русскую революцию Солженицын рассматривает, прежде всего, как революцию *идеологическую*; заменяя революционерам религию, идеология знаменовала собою радикальный пересмотр и сотрясение религиозных и нравственных законов¹¹. Мария Беневская, искавшая «морального оправдания террора», обратилась к Священному Писанию, и «о том, что насилие есть способ борьбы за добро, – заключила из Евангелия» (2, 85). В рассказе Агнессы о дяде Антоне, ученике террориста Каляева, выросшем как бы «под сенью террора» (2, 87), он предстает в образе святого мученика революции; жертвенный путь революционера отмечен гибелью во время акта, открывавшей возможность «вспыхнуть и сгореть без остатка», или смертью на эшафоте, означавшей «мистический брак с идеей» (2, 88). Утверждение и торжество новой нравственности вместо старой уподоблено смене Ветхого завета Новым заветом: «Революционеров нельзя судить по меркам старой нравственности. Для революционера нравственно всё, что способствует торжеству революции, и безнравственно всё, что мешаёт ей» (2, 92).

Героев «Август Четырнадцатого» «объединяет скрытая онтологическая перспектива – предстояние перед Богом»¹². Это верно и в отношении революционеров, неслучайно обратившихся к сакральным текстам и образам для *освящения* своих действий; они полагают себя не убийцами, а идейными борцами с социальным злом, которое оборачивается злом метафизическим: «Надо видеть не сам террор, а высокие цели его! Убивают не конкретного человека – в его лице убивают само зло!» (2, 93). Поэтому нравственно мотивированным представляется им присвоение себе права распоряжаться не только своими, но и чужими жизнями. Совершившаяся подмена понятий позволяет использовать для достижения «чистой цели» такие средства, как «нарушение неприкосновенности личности, и притворство, и подлог, и обман», отменявшие принципы старой нравственности и не ставившие под сомнение моральную правоту революционера: «Пусть и лжёт – но во имя правды! пусть и убивает – но во имя любви! Всю вину берёт на себя партия, и тогда террор – не убийство, и экспроприация – не грабёж. Лишь бы только революционер не совершил преступления против духа святого – против своей партии! Всё остальное ему простится!» (2, 94). Как народ занял в сознании революционеров место Бога, так партия заместила собою святой дух. Революционеру потому всё *простится*, что нисходящий на него и единосущный с обожествленным народом *святой дух* направляет и оправдывает его действия и поступки.

Исключительно значимой и сопоставимой по смыслу с первомартовским убийством царя становится для революционеров охота на Столыпина, своей борьбой с революцией отнявшего у них и у сочувствующего им общества *свободу*: «А ведь была уже в руках!» (2, 95). Поэтому даже неудавшееся (хотя «бомбы рванули прекрасно») покушение на Столыпина кажется Агнессе «памятником»: «Дело не обязательно в устранении, а в устрашении» (2, 96). И вдруг, когда «Россия упивалась обывательским благополучием, казалось, отремела счастливая боевая эпоха, – как раздался исторический выстрел Богрова!» (2, 96). Агнесса и Адалия спорят, действительно ли совершенный Богровым *акт* есть «венец русского террора»; убит «самый главный, самый вредный зуб реакции», но убийца, сотрудничавший «с охранкой», даже если он использовал свою службу «для революции», кажется какой-то «двусмысленной фигурой» (2, 97). Сестры так и не приходят к согласию относительно личности и мотивов поступка Богрова, который, как заключает Агнесса, «ушёл загадкой» (2, 100). Будучи свидетелем спора, Вероника силится и не может понять, «так кто же был этот Богров на самом деле» (2, 104–105). Единственное, в чем она уверилась, что *геройство*, как его ни оценивать, «всегда геройство» (2, 109).

«Август Четырнадцатого» не случайно выстроен так, что знаменательный спор о Богрове предшествует авторскому рассказу о том, как ему удалось «проползти бесшумно между революцией и полицией, разыскать там щель и точно в неё уложиться» (2, 122). Композиционная логика выражает авторское видение ключевых событий, повернувших ход русской истории, и возможных альтернатив ее развития. Солженицыну, напомним, принадлежит проницательное наблюдение, что «всякая революция насыщена сгущённым числом отвратительных фигур, она как бы взмучивает их с морального дна, притягивает из разрозненности и небытия...»¹³. В Богрове, внезапно возникшем из исторического небытия, отвратительна *змеиная* сущность его фигуры, отразившая характерные особенности *гадов*, их нечистую природу и присутствующие им вредоносные свойства¹⁴.

Богров вынашивает идею *центрального террора*, призванного «повернуть течение огромной страны», поэтому в качестве главной мишени выбран им «самый опасный и вредный человек в России»: «Кто сломал хребет революции, если не Столыпин?» (2, 123). Разжигая в себе «революционность», в основе которой лежит стремление «быть в центре всеобщего внимания, над всеми»¹⁵, он планирует совершить покушение «единолично» (2, 128). Именно ему выпадет тогда честь поразить «всё зло одним коротким ударом» (2, 130). И расчёт его в определенной мере оправдался, когда после убийства он предстал «в глазах общества» чуть ли не «народным героем» (2, 179) – и «...восхищённо выхватывала печать каждую его похвальную чёрточку» (2, 280).

Солженицын воссоздает в романе развернутую картину деятельности премьер-министра, шедшего наперекор общественному настроению, неизменно склонявшемуся на сторону революционеров: «Всякий, кто не одобрял громко революционного террора, понимался русским обществом сам как каратель» (2, 185). С противостояния Столыпина терроризму «начинался коренно-новый период в русской истории», когда стало «казаться вьявь, что 1905–06 не повторятся» (2, 199). Его упорные усилия были направлены на постепенное и неуклонное преобразование страны: «... багровый хаос более не клубился, революция кончилась, она была – прошлое. А всё более вязалась обыденная живая деятельность людей, которая и называется жизнью» (2, 221). Убийство Столыпина, как показано в романе, если и не остановило, то резко затормозило процесс выздоровления русской жизни, когда ощущение «уже достигнутой перемены пропиталось и в голы, груди революционеров» (2, 224).

Науке разрушения, питавшей революционный террор, противопоставлена в «Августе Четырнадцатого» созидательная деятельность, в которую включаются и бывшие революционеры. Инженера Ободовского, в революционном прошлом которого «было два суда, тюрьма, ссылка, побег за границу» (2, 481), теперь «больше беспокоит, как создавать» (2, 489). Своей дочери, уверенной, как и ее молодые друзья, что интеллигенция должна быть «за революцию», инженер Архангородский «рассудительно» возражает: «Но разумный человек не может быть за революцию, потому что революция есть длительное и безумное разрушение. Всякая революция прежде всего не обновляет страну, а разоряет её, и надолго» (2, 492–493).

В «Августе Четырнадцатого» споры о революции ведутся в ситуации исторического «неведения», когда еще сохраняются альтернативные возможности развития России и «никто не знает, права Сивилла или ошибается, когда нужны страстная решимость или глубокая вера, чтобы прислушаться к ее словам или нет»¹⁶. Поэтому в авторском повествовании постоянно сопрягаются возможное и действительное, особым образом накладываясь на «соотношение внетекстовой реальности и художественного вымысла»¹⁷. Роман организован так, что герои могут полемизировать или соглашаться не только друг с другом, но и с автором, который намеренно отказывается от своего права на всеведение¹⁸. Ведь им только еще предстоит сделать реша-

ющий для их личной судьбы и для судьбы страны выбор в следующих «узлах», когда со страшной силой завертится *Красное Колесо*.

Примечания

- ¹ Щедрина Н. Природа художественности в «Красном Колесе» А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003) : Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына : альманах / сост. Н. А. Струве, В. А. Москвин. М., 2005. С. 481.
- ² Солженицын А. Радиоинтервью о «Красном Колесе» для «Голоса Америки» // Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Ярославль, 1995–1997. Т. 3. С. 251.
- ³ Там же. С. 252.
- ⁴ Бочаров С. Тютчев : Россия, Европа и Революция // Бочаров С. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 298.
- ⁵ Солженицын А. Красное Колесо : Повествование в отмеренных сроках : в 10 т. Т. 1 : Август Четырнадцатого. М., 1993. С. 53. Далее ссылки в тексте приводятся на это издание с указанием тома и страниц в скобках.
- ⁶ См.: Леонов М. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 125–133.
- ⁷ Будницкий О. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 176.
- ⁸ Там же. С. 354.
- ⁹ Геллер М. Александр Солженицын. Л., 1989. С. 82.
- ¹⁰ Темпест Р. Александр Солженицын – (анти)модернист : пер. с англ. // Нов. лит. обозрение. 2010. № 103. С. 259.
- ¹¹ См.: Солженицын А. Черты двух революций // Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Т. 1. С. 509–510.
- ¹² Спиваковский П. Феномен Солженицына : новый взгляд. М., 1998. С. 67.
- ¹³ Солженицын А. Черты двух революций. С. 537.
- ¹⁴ См.: Гура А. Змея // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 2004. С. 334.
- ¹⁵ Лосев Л. Великолепное будущее России. Заметки при чтении «Августа Четырнадцатого» Александра Солженицына // Континент. 1984. № 42. С. 302.
- ¹⁶ Нива Ж. Александр Солженицын : Борец и писатель : пер. с фр. СПб., 2014. С. 236.
- ¹⁷ Шмелев А. Возможное и действительное в произведениях Александра Солженицына // Солженицынские тетради : Материалы и исследования : альманах / гл. ред. А. С. Немзер. Вып. 4. М., 2015. С. 92.
- ¹⁸ См.: Живов В. Как вращается «Красное Колесо» // Новый мир. 1992. № 3. С. 249.

Образец для цитирования:

Кривонос В. Ш. «Наука разрушения»: революция в романе А. И. Солженицына «Август Четырнадцатого» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 76–80. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-76-80.

Cite this article as:

Krivosos V. Sh. 'The Science of Destruction': Revolution in the Novel *August 1914* by A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 76–80 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-76-80.